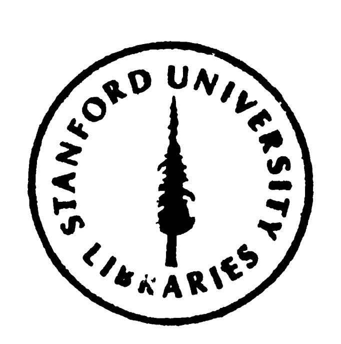

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Л. АНДРУСОНЪ.

СКАЗКА ЛЮБВИ.

Издательство „ЖИЗНЬ"
СПБ.
—
1908.

СКАЗКА ЛЮБВИ.

Л. АНДРУСОНЪ.

СКАЗКА ЛЮБВИ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздательство „ЖИЗНЬ“.
1908.



Я увидѣлъ ее... Тогда вечеръ былъ.
И взяла она сердце мое.
Я ее такъ безумно, такъ больно любилъ,
Безконечно любилъ я ее.

Не любила она. Не сказала она
Никогда мнѣ ни слова любви.
Ей казалась любовь моя только смѣшна
И смѣшными страданья мои...

Въ эту ночь я хочу безутѣшно рыдать:
Я забытую вспомнилъ ее.
И тоскуетъ безумно и плачетъ опять,
Плачетъ бѣдное сердце мое.

Не уходи еще... Какъ грудь болитъ моя
Мучительно въ минуту разставанья!
Но равнодушно ты, не глядя на меня,
Бросаешь мимоходомъ: „До свиданья".

Не любишь ты меня. Ужъ больше никогда
Не улыбнешься ты мнѣ на прощанье,
Такъ сухо, холодно, какъ будто навсегда
Со мною разстаешься... До свиданья.

Ушла ты. Какъ темно и пусто все кругомъ.
Глухія поднялись въ груди моей рыданья.
Разлуку навсегда я угадалъ въ твоемъ
Небрежно брошенномъ, холодномъ—„До свиданья".

Я опять къ тебѣ пришелъ... Взгляни...
Я и самъ не знаю, что со мною:
Безъ тебя ползутъ тоскливо дни
И всегда хочу я быть съ тобою.

Что со мной? Люблю?... Въ твоихъ глазахъ
Знаю я—я не найду отвѣта.
Знаю я—нѣтъ на твоихъ устахъ
Для меня словъ ласки и привѣта.

Но твой взглядъ даетъ душѣ покой,
Я тревоги жизни забываю.
Можетъ быть, я и живу тобой...
Что со мною—я и самъ не знаю.

ЦѢПИ.

Помнишь цѣпи?.. Весной ты сплетала шутя
Въ полѣ цѣпи изъ травъ и цвѣтовъ
И мнѣ руки, смѣясь и рѣзвясь какъ дитя,
Обвивала гирляндой оковъ.

„Я сковала тебя... Какъ я рада!.. Ты—мой...
Ты—мой милый... Не правда ли?..“ „Да“—
Я всегда отвѣчалъ, любовался тобой,
Жизнь казалась мнѣ раемъ тогда.

И тебя полюбилъ я въ цѣпяхъ изъ цвѣтовъ.
Ты отвѣтила мнѣ: „Не люблю...
Ты хорошій... Но я... не нужна мнѣ любовь
И забудь меня, милый, молю..."

Не могу я... Давно это было, давно,
Но люблю я и буду любить:
Безъ тебя скучно мнѣ. Въ сердцѣ пусто, темно,
И цѣпей не забыть, не разбить.

ИЗЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ.

Отчего поблекли и завяли розы?
Милая, скажи, скажи мнѣ отчего?
Отчего на листьяхъ незабудокъ слезы
И не скрыть въ травѣ имъ горя своего?

Отчего тамъ—въ небѣ плачетъ и рыдаетъ
Жаворонка пѣсня?.. А въ тѣни дубравъ
Отчего дыханье вѣтра поднимаетъ
Смрадный, трупный запахъ изъ душистыхъ травъ?

Отчего, скажи мнѣ, солнце такъ уныло,
Холодно сіяетъ въ небѣ голубомъ?
Отчего весь міръ мнѣ кажется могилой?
Отчего земля вся такъ темна кругомъ?

Отчего я болѣнъ и нигдѣ покоя
И ни въ чемъ забвенья не могу найти?
Отчего забытъ я, милая, тобою?
Отчего меня вдругъ разлюбила ты?

ИЗЪ РУДОЛЬФА БАУМБАХА.

AVE MARIA.

Засыпаютъ лѣса и долины,
На землѣ тишина и покой.
Спятъ цвѣты... Потемнѣли равнины...
Все окутано свѣжею мглой.
Среди горъ ужъ клубится и вьется
Серебристый вечерній туманъ.
Звонъ вечерній надъ лѣсомъ льется,
На молитву зоветъ христіанъ.
Ave Maria...

Не могу я съ молитвой склониться
Предъ распятьемъ и ликомъ святыхъ,
Но въ душѣ моей много роится
Мыслей чистыхъ и грезъ золотыхъ.
А у ногъ моихъ ропотомъ нѣжнымъ
Плещутъ въ озерѣ волны... Пою
Горнымъ травамъ, цвѣтамъ бѣлоснѣжнымъ
Я послѣднюю пѣсню мою.

Ave Maria...

Осенній вечеръ. Мокрый снѣгъ давно,
Съ утра какъ саваномъ столицу покрываетъ.
Стихаетъ шумъ на улицахъ... Темно...
Большими хлопьями снѣгъ падаетъ и таетъ.

Одинъ я... Грустно, скучно мнѣ... Гудитъ
Протяжно колоколъ. Разносится далеко
Унылый звонъ, во мглѣ сырой дрожитъ
И въ небо хмурое плыветъ, и тамъ высоко,
Какъ хлопья снѣга, таетъ...

И опять

Вокругъ все тихо... Тяжело. Нѣтъ силы

Гнетущихъ думъ, унынья отогнать,
Міръ кажется пустымъ, холоднымъ какъ могила...

Любви хочу я. Я хочу къ ногамъ
Твоимъ теперь упасть и плакать, дорогая,
И руки цѣловать твои, къ устамъ
Твоимъ прильнуть, и все, все забывая,
Въ глаза твои смотрѣть и отдохнуть,
Склонясь къ твоей груди усталой головою,
И тихо, тихо какъ дитя уснуть
Съ улыбкой на губахъ сномъ счастья и покоя...

Но далеко ты... Я одинъ... Во мглѣ
Холодной ночи все безмолвно и угрюмо,
Все пусто, безпріютно на землѣ...
И нѣтъ любви... Темно... Снѣгъ падаетъ безъ шума.

Зимней ночью, одинъ, по дорогѣ,
Озаренной печальной луной,
Тихо шелъ я... Полей необъятный
Развернулся просторъ предо мной.

Въ небѣ трепетно звѣзды мерцали.
Облака надъ просторомъ полей
Плыли медленно въ даль голубую
И клубясь тихо таяли въ ней.

Никого... Среди мертвыхъ, холодныхъ,
Занесенныхъ снѣгами равнинъ,
Словно саваномъ бѣлымъ покрытыхъ,
Все впередъ шелъ я тихо одинъ.

Накипѣли въ груди моей слезы,
Слезы горечи, злобы, обидъ
И томило, терзало сознанье,
Что одинъ я—покинутъ, забытъ...

И все дальше я шелъ... Камнемъ сердце
Мнѣ давили тоска и печаль...
Въ небѣ звѣзды, какъ слезы, дрожали
И клубясь облака плыли въ даль.

Тишина и покой... Высоко надъ землей
Въ голубомъ небѣ звѣзды горятъ.
А въ домахъ жизнь кипитъ съ неустанной борьбой,
И проклятья и смѣхъ въ нихъ звучатъ.

Смѣхъ любви раздается,—шумитъ брачный пиръ.
Слышенъ шепотъ любовныхъ рѣчей...
Льются слезы... Бѣднякъ, проклиная весь міръ,
Умираетъ въ каморкѣ своей...

И кипитъ жизнь въ домахъ съ неустанной борьбой,
Въ нихъ и смѣхъ и проклятья звучатъ...
Тишина и покой... Высоко надъ землей
Въ голубомъ небѣ звѣзды горятъ.

ИЗЪ ГОТФРИДА БЮРГЕРА.

КРАСАВИЦА ЗУСХЕНЪ.

Я зналъ ее давно: была
Она добра, скромна,
Я видѣлъ, какъ стройна, мила,
Какъ хороша она.
Я приходилъ, я уходилъ,
Какъ въ синемъ морѣ валъ.
Вблизи нея я счастливъ былъ,
Вдали—я не страдалъ.

Но время шло, и вотъ я сталъ
Другимъ: я полюбилъ,
Страдалъ въ разлукѣ, тосковалъ,
Свиданьемъ съ нею жилъ.
На свѣтѣ ею лишь одной
Съ тѣхъ поръ былъ занятъ я:
Она была мой трудъ, покой,
Въ ней жизнь была моя.

И слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ я сталъ
Во всемъ, что не она.
Меня лучъ солнца согрѣвалъ,
Сіяла мнѣ луна,
Сверкали звѣзды, лугъ пестрѣлъ
Въ цвѣтахъ... Я былъ слѣпой:
Я только на нее смотрѣлъ,
Весь міръ былъ въ ней одной.

Но время шло... Любовь прошла,
Какъ свѣтлыя мечты.
Она по-прежнему была
Царицей красоты.
Я приходилъ, я уходилъ,
Какъ въ синемъ морѣ валъ.
Вблизи нея я счастливъ былъ,
Вдали—я не страдалъ.

Вы, мудрецы, скажите, гдѣ,
Когда и какъ узнать—
Зачѣмъ удѣлъ людей вездѣ
Любить, любя страдать?
И растолкуйте мнѣ, зачѣмъ
Все было такъ со мной,
Что былъ я слѣпъ, и глухъ, и нѣмъ
И міръ былъ въ ней одной?

Я думалъ день и ночь, всегда,
И ночь и день опять.
Но этой тайны никогда
Не могъ я разгадать.
Придетъ любовь и убѣжитъ,
Какъ вѣтеръ, какъ волна.
Откуда? И куда манитъ,
Куда зоветъ она?

Дождь прошумѣлъ надъ знойными полями,
И вѣтерокъ, увлаженный дождемъ,
Плыветъ по ржи зелеными волнами
И влажнымъ дышитъ мнѣ въ лицо тепломъ.

Пыль улеглась. На солнцѣ лугъ дымится.
Въ травѣ горятъ огни счастливыхъ слезъ.
Изъ рощи тихимъ шелестомъ струится
Смолистый запахъ молодыхъ березъ.

Вода сверкаетъ въ колеяхъ дороги.
Обрывки тучъ уноситъ вѣтеръ вдаль,
Съ души свѣваетъ черныя тревоги,
Свѣваетъ одиночества печаль.

Нѣтъ, не скажу тебѣ я, какъ мнѣ больно,
Какъ я тебя люблю... Меня не любишь ты...
Хочу забыть, и не могу,—невольно
Меня къ тебѣ влекутъ мои мечты.

И я приду... Хоть молча любоваться,
Тоскуя и любя, тобою я хочу.
А сердце... сердце можетъ разорваться,—
Я все же не скажу: я промолчу.

Ночью звѣздочка съ синяго неба упала,
Въ синемъ морѣ могилу нашла.
Въ эту ночь мое сердце болѣть перестало:
Въ эту ночь въ немъ любовь умерла.

Много звѣздъ еще въ небѣ далекомъ сверкаетъ,
Много звѣздъ въ синемъ небѣ горитъ.
Я боюсь—ненадолго любовь умираетъ:
Мое сердце опять заболитъ.

МАМИНА ПѢСЕНКА.

Мама мнѣ пѣсенку пѣла, качая
Ночью меня въ колыбели,
Пѣла... А съ неба далекаго звѣзды,
Кроткія звѣзды смотрѣли.

Слушали пѣсенку эту, что мама
Пѣла мнѣ ласково-нѣжно,
Видѣли какъ, убаюканный ею,
Я засыпалъ безмятежно.

Тихой молитвой, любовью святою
Мамина пѣсня дышала.
Полная тихими, свѣтлыми снами
Ночь надо мной пролетала...

Буря ли злилась, не спалъ я и плакалъ,—
Мама моя дорогая
Пѣла мнѣ пѣсенку, къ сердцу родному
Крѣпко меня прижимая.

Сладко я спалъ на рукахъ у родимой,
Буря меня не пугала:
Мамина пѣсня всѣ ужасы бури,—
Дѣтскій мой страхъ прогоняла...

Милая пѣсенка!... Въ дѣтскіе годы,
Время свободы безпечной,
Въ сердце запала глубоко-глубоко
Пѣсня любви безконечной.

Въ полночь глухую, сверкаютъ ли звѣзды,
Буря ль сердито бушуетъ,
Сонъ не приходитъ и въ сумракѣ ночи
Сердце болитъ и тоскуетъ—

Мнѣ вспоминается дѣтство и мама,
Чудится—близко родная,
Чудится---мнѣ колыбельную пѣсню
Тихо поетъ дорогая:

Въ долгую, темную ночь до разсвѣта
Чуткій мой сонъ охраняетъ,
Пѣсню далекаго, милаго дѣтства
Ласково мнѣ напѣваетъ.

ВЪ ЛѢСУ.

Сквозь вѣтви деревьевъ сверкали зарницы,
Громъ глухо вдали рокоталъ.
Надъ лѣсомъ тяжелыя тучи бѣжали,
Въ просвѣтахъ испуганно звѣзды мерцали.
Лѣсъ глухо, тревожно ропталъ.

Конь фыркалъ, храпѣлъ... Колокольчикъ метался
И гулко стоналъ подъ дугой.
Все глуше, все глуше деревья шумѣли,
Угрюмыя, темныя сосны гудѣли,
Какъ бурнаго моря прибой.

Вотъ молнія, вспыхнувъ блестящей змѣею,
　　На мигъ ослѣпила глаза,—
И сшиблись въ грохочущемъ, бѣшенномъ спорѣ
Громъ, тучи и лѣсъ... Какъ въ разгнѣванномъ морѣ,
　　Въ лѣсу бушевала гроза.

Умчалась... И снова въ лѣсу, освѣженномъ
　　Прохладой дождя, тишина.
Онъ молится звѣздамъ и чутко внимаетъ
Безмолвію ночи. Сквозь вѣтви мерцаетъ
　　Задумчиво - грустно луна.

Туманъ серебристый по свѣтлой дорогѣ
　　Прозрачною дымкой плыветъ.
Поетъ въ тишинѣ колокольчикъ уныло.
И въ сердцѣ тоскующемъ образъ твой милый
　　Волнующей грезой встаетъ.

Смѣхъ... музыка... шумное море
Веселыхъ, нарядныхъ людей...
Мерцаютъ огни золотые,
Колышатся тѣни вѣтвей.

Ты снова и снова проходишь
Нѣжнѣй и прекраснѣй мечты...
О мукахъ любви одинокой
Тебѣ не разскажутъ цвѣты.

И ты никогда не узнаешь,
Какъ больно тебя я люблю.
Гляжу въ твои очи и взглядомъ
Цѣлую улыбку твою.



Смѣешься, цвѣты обрывая
Безпечно-небрежной рукой,
И тонешь въ толпѣ,—мимолетной,
Какъ сонъ недоступной мечтой.

А музыка льется надъ моремъ
Веселыхъ, нарядныхъ людей
Ликующимъ смѣхомъ и плачетъ
Въ душѣ одинокой моей.

Все утро я плакала... Маму
Я видѣла ночью во снѣ:
Ребенкомъ ложусь я въ кроватку,
И мама подходитъ ко мнѣ,

Играетъ со мною, смѣется,
Ласкаетъ, цѣлуетъ меня,
Уходитъ и набожно креститъ:
„Спи, милая крошка моя“...

Потомъ вижу ниву родную.
Рожь мама высокую жнетъ,
А я васильки собираю.
Жнетъ мама и пѣсню поетъ.

По небу крылатыя тучки
Проносятся вольной толпой.
Волнами широкими вѣтеръ
Гуляетъ по ржи золотой.

Проснулась... и плакала долго...
Одна-одинешенька я:
Въ могилѣ сырой и холодной
Спитъ милая мама моя.

Землю усталую ночь обняла...
Спи, дорогая,—усни.
На небѣ свѣтлыя звѣзды зажглись.
Гаснетъ заря... Отдохни.

Долго томила неправда людей
Черной тоской твою грудь,
Долго рыданья душили тебя,
Долго... Усни, позабудь.

Тихо березы шумятъ за окномъ...
Спи,—ты устала, сомкни
Очи невинныя, полныя слезъ,
Все позабудь, отдохни...

Мутно сквозь темныя сѣти вѣтвей
Свѣтитъ-мерцаетъ луна.
Тихо... Нѣмая, безмолвная ночь
Кроткой печали полна.

Спятъ, убаюканы свѣтомъ луны,
Тонкія вѣтви березъ...
Все позабудь—спи, голубка моя,
Тихо, безъ горя и слезъ.

На камнѣ высокомъ, у синяго моря
Сижу день-деньской я одна...
Осока шуршитъ... Чайки въ свѣтломъ просторѣ
Купаются... Плещетъ волна...

Я слушаю шелестъ осоки прибрежной
И говоръ хрустальной волны.
Тоски мое сердце полно безнадежной
И слезъ мои очи полны.

Не знаетъ осока, не вѣдаютъ море
И чайки какъ мнѣ тяжело,
Не знаютъ какое тяжелое горе
Мнѣ на сердце камнемъ легло.

За синее море, далеко, далеко
Мой милый давно ужъ уплылъ,
Покинулъ меня сиротой одинокой
И, мнится,—забылъ, разлюбилъ...

Не парусъ ли, милаго парусъ бѣлѣетъ,
Въ туманѣ блеснувъ голубомъ?..
Нѣтъ,—чайка надъ моремъ крикливая рѣетъ,
Волну разсѣкая крыломъ...

Волна набѣгаетъ, волна убѣгаетъ.
Осока печально шуршитъ.
Крикливая чайка надъ моремъ летаетъ,
Печально, печально кричитъ.

И падаютъ слезы... Забылъ меня милый.
Терзается сердце тоской.
Ахъ, если бъ я чайкой могла быстрокрылой
Умчаться въ просторъ голубой!

Не уснуть, не сомкнуть мнѣ усталыхъ очей.
Вь ночь влюбленный тоскуетъ въ саду соловей,
Мѣсяцъ блѣднымъ серпомъ грустно смотритъ въ окно.
Сердце горькой печали и боли полно.
Не уснуть.

Соловей все страстнѣе тоскуетъ-поетъ...
Плачетъ сердце мое... О когда же умретъ
Въ немъ безсонная боль одинокой любви
И остынутъ горячія слезы мои,
О когда?

Соловей все поетъ... Можетъ быть, никогда,
Можетъ быть, я тебя буду помнить всегда,—
Никогда не забуду скорбящей душой
Дней погибшаго счастья, забытыхъ тобой,
Никогда.

Надолго разстаемся... До свиданья...
Въ душѣ тоска, улыбка на губахъ,
Въ моей—любви безмолвное признанье.
Непрошенныя слезы на глазахъ.

Рука дрожитъ въ рукѣ... Еще мгновенье—
И выдержать не станетъ больше силъ.
Какъ тяжело!.. Смѣхъ, слезы и мученье...
О чемъ тебѣ сейчасъ я говорилъ?

О чемъ я говорилъ тебѣ?.. О, Боже!
Люби меня, люби, не забывай.
Ты мнѣ на этомъ свѣтѣ всѣхъ дороже:
Люблю тебя... Я вновь одинъ... Прощай...

Осеннее темное поле
Одѣто холодною мглой.
Косматыя, сѣрыя тучи
Уныло ползутъ надъ землей.

Ползутъ и клубятся и плачутъ,
Въ туманную даль уходя,
Льютъ на землю съ темнаго неба
Холодныя слезы дождя.

Мое одинокое сердце
Томится тоской по быломъ.
Все сномъ только было, недолгимъ,
Навѣки утраченнымъ сномъ.

Весеннія бѣлыя ночи
И звучная пѣснь соловья
И въ счастье любви неизмѣнной
Наивная вѣра моя—

Все сномъ только было... Мнѣ лгали
Невинныя очи твои,
Улыбка твоя, поцѣлуи
И нѣжныя клятвы любви.

И плачетъ-болитъ мое сердце,
Терзаясь тоской по быломъ...
Клубятся косматыя тучи
И плачутъ холоднымъ дождемъ.

Дождь въ желѣзную крышу докучно стучитъ,
Пѣсней темной печали звучитъ,
Бьется въ стекла слезами... всю ночь напролетъ
Заунывную пѣсню поетъ.

Онъ поетъ о туманныхъ осеннихъ поляхъ,
О поблекшихъ, умершихъ цвѣтахъ,
О деревьяхъ, роняющихъ листья съ вѣтвей
Вдоль покинутыхъ, мертвыхъ аллей.

Бьются въ стекла холодныя слезы дождя
Монотонно, уныло гудя.
И такъ скорбенъ ихъ звонъ въ безпробудной тиши,
Точно плачъ одинокой души.

Ты забыла меня. Ты на слезы мои
Не отвѣтила лаской любви.
И теперь я не встрѣчу тебя никогда:
Ты ушла навсегда, навсегда...

Точно слезы больной, одинокой души,
Въ безотвѣтной, унылой тиши
Бьются въ стекла холодныя слезы дождя,
О загубленномъ счастьи твердя.

Я ѣду ночью. Грустенъ путь мой дальній.
Сквозь облака холодная луна
Льетъ на поля пустынныя печальный,
Холодный свѣтъ. Моя душа грустна.

Уходитъ въ даль, туманную, нѣмую,
Покрытый снѣгомъ, одинокій путь.
Я одиноко ѣду и тоскую.
Душа грустна. Болитъ и ноетъ грудь.

Кто въ эту ночь за темными полями
Меня съ тоской и нетерпѣньемъ ждетъ,
Ждетъ—не дождется долгими часами,
Когда, когда желанный гость войдетъ?

Никто не ждетъ... За тучею угрюмой
Луна погасла... Мракъ и тишина...
Темны, какъ ночь, мои мечты и думы,
Какъ эта ночь, моя душа темна.

Я вырвалъ изъ сердца молитвы мои,
Убилъ въ немъ улыбку твою,
Убилъ въ немъ безсонную муку любви:
Я больше тебя не люблю.

Но въ шумной толпѣ мнѣ порою тебя
Чужая напомнитъ собой,—
И дрогнетъ усталое сердце любя
Безсильной, ненужной мольбой.

И снова въ тоскующихъ грезахъ встаешь
Ты свѣтлою сказкой любви:
Мнѣ въ ночь одинокую снишься и пьешь
Горячія слезы мои.

Но утро настанетъ и сонъ мой спугнетъ,
И счастье и муку мою.
Вновь сердце въ холодномъ покоѣ замретъ:
Я больше тебя не люблю.

СОНЪ.

На кручи сѣрыя, застывшія рядами
Нѣмыхъ громадъ,
Столпились тучи темными стадами
И тихо спятъ.

Спустилась ночь на дикія вершины,
И все вокругъ молчитъ.
Въ ущельяхъ тѣсныхъ замеръ крикъ орлиный,
Все спитъ...

Громады тучъ... Снѣга и льды... Качаясь
Надъ бездною, грозящей смертью мнѣ,
За камни острые отчаянно цѣпляясь,
Ползу по крутизнѣ.

Изъ пальцевъ кровь на сѣрый камень льется,
И больно въ грудь стучитъ,
Какъ молотъ, сердце... Камень оборвется,
Нога скользитъ.

И спящихъ кручъ разбуженное эхо
На мой безумный, одинокій стонъ
Гремитъ раскатами ликующаго смѣха
Со всѣхъ сторонъ...

Очнусь... Лежу истерзанный камнями
Недвижно на снѣгу у мертвыхъ стѣнъ,
Окровавленными, затекшими руками
Стирая кровь съ колѣнъ.

И въ дикомъ ужасѣ кричу. И снова эхо
На мой безумный, одинокій стонъ
Гремитъ раскатами ликующаго смѣха
Со всѣхъ сторонъ...

Вновь мертвое молчанье ночи синей.
Снѣга и льды. Громады спящихъ тучъ.
И неба мертвая, холодная пустыня,
И стѣны кручъ.

Сосны старыя тихо шумятъ.
Въ блескѣ солнца смѣется рѣка.
Высоко-высоко надо мной
Въ синемъ небѣ плывутъ облака.

Улыбаясь плывутъ, какъ мечты
Голубого, весенняго дня...
Солнце нѣжно цѣлуетъ цвѣты,
Вѣтви сосенъ сѣдыхъ и меня.

Хорошо... Словно нѣтъ на землѣ
Ни закованной въ цѣпи любви,
Ни страданій, ни слезъ... Тишиной
Убаюканы думы мои.

Грезы свѣтлыя дремлютъ въ душѣ,
Какъ въ лазури небесъ облака...
Тихо старыя сосны шумятъ.
Въ блескѣ солнца смѣется рѣка.

ИЗЪ ЛИДІИ КОЙДУЛА.

ЗА ПРЯЛКОЙ.

Я пряду и горько плачу.
По лугамъ весна идетъ...
Гдѣ мой милый—кто мнѣ скажетъ.
Кто мнѣ вѣсточку пришлетъ?

Ммого-много слезъ горючихъ
Я за прялкой пролила.
Ни одна слеза о миломъ
Вѣсти мнѣ не подала.

Облака бѣгутъ и таютъ
Въ морѣ дали голубой.
Если бъ крылья мнѣ! Орлицей
Я взвилась бы надъ землей.

Полетѣла бы за милымъ
За моря, за ширь степей,
Задушила бъ счастьемъ встрѣчи
Боль-тоску души моей.

Крыльевъ нѣтъ... Жужжитъ-вертится
Колесо... И плачу я:
Въ прялкѣ рвется нить,—мой милый
Разлюбилъ, забылъ меня.

Звѣзды поблѣднѣли, грустно догораютъ.
Въ облакахъ тумана лѣсъ безмолвный спитъ.
Тишина... Безшумно тѣни ночи таютъ.
Жаворонокъ въ небѣ высоко звенитъ.

Разбудила вѣтеръ пѣсня золотая,
Онъ вздохнулъ и тихо колыхнулъ листы...
По травѣ росистой, по полямъ шагая,
Для тебя собралъ я, милая, цвѣты.

Въ нихъ еще таятся поцѣлуи ночи,
Жаворонка пѣсенъ отзвукъ въ нихъ дрожитъ...
Лѣсъ шумитъ... Погасли въ небѣ звѣзды-очи
И березъ вершины солнце золотитъ.

Облака, въ гирлянды бѣлыя сплетаясь,
Беззаботно-вольной, свѣтлою гурьбой
Вдаль бѣгутъ, на солнцѣ кротко улыбаясь...
По полямъ скитаться мы пойдемъ съ тобой.

Я твою головку уберу цвѣтами,
Въ кудри голубые васильки вплету.
Утро дышитъ счастья свѣтлыми мечтами...
А тебя люблю я, какъ мою мечту.

У моря я снова встрѣчаю
Въ полдень весенній тебя,
И снова, безсильно любя,
Глазами тебя провожаю.

Подойти и сказать я не смѣю
О мукѣ безсильной моей.
Люблю я тебя нѣжнѣе,
Чѣмъ вѣтеръ шелестъ вѣтвей.

И гаснутъ лаской прощальной
Твой серебряный смѣхъ, твой взглядъ...
Надъ моремъ чайки кричатъ,
Кричатъ. Ихъ крики печальны...

И душу мою больную
Я баюкаю въ темной тоскѣ:
Слѣды твоихъ ногъ цѣлую
На влажно-горячемъ пескѣ.

ШВЕЯ.

За окномъ синѣетъ небо,
За окномъ весна.
Цѣлый день въ каморкѣ тѣсной
Грустно шьетъ она.

Цѣлый день, до поздней ночи
Съ мѣста не встаетъ:
Шьетъ, спины не разгибая,
Торопливо шьетъ.



Въ синемъ небѣ рѣютъ стаи
Бѣлыхъ облаковъ.
Вѣтеръ дышитъ ароматомъ
Полевыхъ цвѣтовъ,—

Льетъ полей далекихъ свѣжесть
Въ комнату швеи.
Шьетъ она. А сердце проситъ
Счастья и любви.

Шьетъ она. Стучитъ машинка,
Полотно шуршитъ.
Дума черная тоскою
Сердце ей щемитъ:

„Безъ любви, одна, въ неволѣ,
Въ четырехъ стѣнахъ
Чахну здѣсь я за работой,
За шитьемъ въ рукахъ.

„Какъ цвѣтокъ безъ солнца, вянетъ
Молодость моя.
Отдохнуть бы хоть! устала,
Истомилась я!

„Истомилась, изболѣлась
Надъ работой грудь.
Убѣжать бы въ лѣсъ и въ поле,—
Разъ хоть отдохнуть!..“

Слезы душатъ, застилаютъ
Мглою ей глаза.
Шьетъ она. Невольно льется
За слезой слеза...

Въ небѣ жаворонокъ звонко,
Весело поетъ.
Въ даль—туда, гдѣ лѣсъ и поле,
Облако плыветъ...

Шьетъ она. Нѣтъ больше мочи:
Больно-больно вдругъ
Стало на сердцѣ, работа
Выпала изъ рукъ.

Слезы хлынули... И долго,
Долго у окна
Безутѣшно, горько плачетъ,
Какъ дитя, она...

А весенній теплый вѣтеръ
Свѣжестью полей
Вольно вѣетъ, расплетая
Прядь ея кудрей.

И ласкаетъ и цѣлуетъ—
Полно слезы лить:
Горькой участи не могутъ
Слезы облегчить.

Вѣетъ вѣтеръ, занавѣской
Тихо шевелитъ...
Въ небѣ жаворонка пѣсня
Высоко звенитъ...

И опять слились въ докучный,
Монотонный звукъ
Полотна унылый шорохъ
Да машинки стукъ.

Въ глухую ночь моей печали,
Въ туманъ холодный темныхъ думъ
Цвѣты весенніе упали,
Ворвался сосенъ свѣжій шумъ.

И прозвенѣлъ весенней лаской
Въ зеленомъ шепотѣ вѣтвей—
Далекою, забытой сказкой
Твой звонкій смѣхъ въ душѣ моей.

Зеленыхъ сосенъ гулъ надъ нами;
Въ душѣ моей твой милый взглядъ...
Въ даль облака за облаками
Мечтами свѣтлыми скользятъ

И таютъ въ морѣ синей дали...
И падаютъ любви твоей
Цвѣты въ туманъ моей печали,
Въ глухую ночь души моей.

Мнѣ хочется плакать и пѣть и смѣяться.
О Боже, какъ счастлива я!
Онъ любитъ меня, дорогой мой, хорошій,
Онъ любитъ, онъ любитъ меня!

Вчера, когда вечеромъ шла я съ работы,
Онъ за руку вдругъ меня взялъ:
„Согласна ты, хочешь ты быть, дорогая,
Моею женою?"—сказалъ.

Хочу ли?... Я вспыхнула вся, поблѣднѣла...
Ахъ какъ онъ меня цѣловалъ!
Слова-то какія хорошія, милый,
Слова-то какія шепталъ.

Что ангелъ я свѣтлый ему въ этой жизни,
Что я его жизнь,—говорилъ...
Мнѣ утромъ сегодня цвѣты полевые,
Фіалокъ букетъ подарилъ...

Цвѣты я цѣлую все... Въ маленькой, темной
И бѣдной каморкѣ моей
Все выглядѣть стало какъ будто иначе:
Уютнѣе какъ-то, свѣтлѣй.

А я... что со мною?... И сладко и больно.
Я плачу, смѣюсь и пою
Сама не своя... Дорогой мой, хорошій,
Люблю тебя, крѣпко люблю.

И то вѣдь сказать—никого не найдется
Добрѣе и лучше его.
Ахъ, только не грѣхъ ли, что нѣту на свѣтѣ
Счастливѣй меня никого!

КАМЕНЬЩИКЪ.

Весь день подъ огнемъ раскаленныхъ лучей
Я молотомъ звонкимъ на грудѣ камней
Горячій булыжникъ дроблю.
Потъ грязный съ лица запыленнаго льетъ,
Пыль острая грудь мою рѣжетъ и жжетъ.
А я все стучу, все стучу.
У пыльной дороги, на грудѣ камней
Въ могилу себя вколочу.

Какъ птицы летятъ надо мной облака.
Лѣсъ темный синѣетъ вдали... А рука
Безъ устали молотомъ бьетъ.
Пыль тонкая вьется, хруститъ на зубахъ
И душитъ... Отъ боли темнѣетъ въ глазахъ,
А я все стучу, все стучу.
На волѣ, у тихихъ зеленыхъ полей
Въ могилу себя вколочу.

А въ городѣ — тамъ цѣлый день надъ станкомъ
Склоняется дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ
Подъ бѣшенный грохотъ машинъ...
Бей молотъ мой въ камни проклятые, бей!
Она будетъ скоро женою моей.
Я буду стучать, какъ стучу,
Стучать... и въ могилу ее и себя,
Ее и себя вколочу.

ТКАЧИ.

Колеса вертятся. Машины стучатъ.
Челны по основамъ снуютъ.
Глаза за движеніемъ нитей слѣдятъ
И руки безъ устали ткутъ.

А нити ползутъ да ползутъ безъ конца.
Устали мы. Въ оба гляди!
Устали... Потъ градомъ струится съ лица,
Дыханье спираетъ въ груди.

И жарко и душно. Не жизнь это — адъ.
Въ грудь молотомъ сердце стучитъ.
Машины грохочутъ, стучатъ и гремятъ.
Ткутъ руки... Работа кипитъ...

А тамъ, за стѣной, далеко - далеко —
Лѣса и раздолье полей.
Тамъ дышится груди привольно-легко
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей.

Прохладно въ тѣни на опушкѣ лѣсной
И тихо, такъ тихо кругомъ.
Волнуется рожь. Тучки свѣтлой грядой
Въ просторѣ плывутъ голубомъ...

На волю, на волю изъ душной тюрьмы
Безсонныхъ заботъ и труда!..
Машины стучатъ: никогда, никогда!..
Здѣсь вѣчные узники мы.

Какъ въ бѣшенной пляскѣ колеса бѣгутъ,
Ремни извиваясь шипятъ,
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Машины хохочутъ, гремятъ:

Безплодныя думы, пустыя мечты
Лѣса и раздолье полей.
Не люди вы, дѣти больной суеты,
Вы—блѣдныя тѣни людей.

Безплодныя думы, пустыя мечты...
Сырые подвалы, нужда,
Да холодъ, да голодъ, позоръ нищеты,
Вотъ—плата за муки труда...

Ни смѣха, ни пѣсенъ... Порою въ глазахъ
Безсильная злоба блеснетъ,
Слеза задрожитъ; на безкровныхъ губахъ
Безсильно проклятье замретъ

Да руки съ угрозой сожмутся и ткутъ.
Мы ткемъ, мы безъ устали ткемъ.
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Бѣжитъ и спѣшитъ все кругомъ.

Скорѣе, скорѣй! — погоняютъ станки
Могучіе взмахи колесъ...
А въ сердцѣ такъ много безумной тоски,
Такъ много отчаянныхъ слезъ...

Скорѣе!... И тѣло и воля въ цѣпяхъ...
Покорно мы ткемъ... А потомъ,
Какъ силы не станетъ въ изсохшихъ рукахъ,
Мы въ грязныхъ подвалахъ умремъ...

Ткемъ... Тучи удушливой пыли висятъ
Надъ нами, дрожатъ и плывутъ...
Колеса вертятся... Машины стучатъ...
Поклятыя нити ползутъ.

Мнѣ снились твои голубые,
Весеннее небо-глаза...
Падали сѣти дождя золотыя,
Надъ лѣсомъ шумѣла гроза.
Лѣсъ гуломъ весенне-зеленымъ смѣялся...
Но темный, угрюмый позоръ
Отъ взоровъ твоихъ хоронился, скрывался
Въ испуганномъ сердцѣ, какъ воръ.

Мнѣ снилось—я плакалъ у ногъ твоихъ милыхъ
На знойной дорогѣ, въ пыли.
И грязь моихъ дней одиноко-постылыхъ
Весенія слезы сожгли.
И я цѣловалъ твои пыльныя ноги...
...Молитвами тихой любви
Мнѣ снились на знойной, пустынной дорогѣ
Глаза голубые твои.

Въ ночь кудрей твоихъ, Лада, вплету я цвѣты
Въ часъ разлуки, разлуки съ тобой:
Я хочу, чтобъ казалась невѣстою ты
Сердцу полному горькой тоской.

Поцѣлуями сердце твое отравить
Я хочу, — выпить душу твою:
Чтобы такъ никого не могла ты любить,
Никого, какъ тебя я люблю.

Умереть, какъ въ кудряхъ твоихъ, Лада, цвѣты
Я хочу въ часъ разлуки съ тобой:
Чтобы снова любила и плакала ты,
Горько плакала ты надо мной.

Печальный день. Снѣгъ, точно бѣлый саванъ,
Вездѣ, на всемъ... похоронилъ цвѣты.
Какъ пышно здѣсь цвѣли они весною,
Когда меня еще любила ты.

Въ душѣ моей любви погибшей вечеръ:
Цвѣла сирень и плакалъ соловей,
Въ далекомъ небѣ звѣзды улыбались.
Я былъ твоимъ. И ты была моей...

Ты далеко и все давно забыла.
Любовь угасла. Все прошло, прошло.
Я одинокъ... Печаленъ зимній вечеръ.
Цвѣты холоднымъ снѣгомъ занесло.



СОНЪ.

Въ безвѣстную даль, одинокій, бездомный
Въ пустынѣ сыпучими шелъ я песками.
Жгло солнце усталую грудь,
И труденъ былъ путь мой далекій и темный,
Весь острыми былъ онъ усѣянъ камнями.
Я шелъ, я не смѣлъ отдохнуть.

Безоблачно небо... Конца нѣтъ дорогѣ...
Все шелъ я... Вдали разстилался свинцовый,
Удушливый, знойный туманъ.

Мнѣ острые камни изрѣзали ноги;
Кровь, слѣдъ на пескѣ оставляя багровый,
По каплѣ сочилась изъ ранъ.

Отъ боли въ глазахъ все порою мутилось...
Я падалъ... Отчаянья слезы кипѣли
Въ моей наболѣвшей груди:
Умру, не дойду до невѣдомой цѣли.
Но сердце отвагой и мужествомъ билось—
Иди, мнѣ твердило,—иди.

И властною жаждою—жить окрыленный,
Шелъ дальше я моремъ пустыни безбрежной,
Вновь падалъ, и снова вставалъ...
И снова въ порывѣ тоски безнадежной
Безсильный лежалъ на землѣ раскаленной,
Какъ трупъ,—неподвижно лежалъ.

И видѣлъ, какъ въ небѣ высоко-высоко,
Могучими гордо блистая крылами,
Парилъ надо мною орелъ.
Свободный, какъ я, и какъ я, одинокій—
Иди! мнѣ кричалъ онъ,—тамъ жизнь за песками...
И медленно дальше я шелъ...

ДѢТИ ТРУДА.

1.

Мы—дѣти темной, жестокой доли:
Страданій сѣти намъ жизнь плететъ,
Куетъ намъ цѣпи труда-неволи
И пѣсни горя смѣясь поетъ.

Когда лежали мы въ колыбели,
Надъ нами пѣсенъ не пѣла мать,—
Нужда и горе намъ пѣсни пѣли,
А мать молчала... Какъ не молчать?!

Въ подвалахъ грязныхъ взрастилъ насъ холодъ,
Баюкалъ темныхъ лишеній гнетъ,
Вскормилъ въ дырявыхъ лохмотьяхъ голодъ
И пѣла пѣсни семья заботъ...

Теперь намъ пѣсни поютъ машины,
Стучатъ-грохочутъ, стучатъ-поютъ,
Поютъ невзгоды, поютъ кручины,
Поетъ неволя и тяжкій трудъ.

Всегда работай, всегда работай,—
Поютъ машины—всегда, всегда!
Хлѣбъ добываешь за капли пота,
За капли крови въ цѣпяхъ труда!

2.

Проходятъ, проходятъ суровыя дѣти труда,
Проходятъ, проходятъ угрюмо-безмолвной толпою.
Звучатъ ихъ шаги безнадежною, темной тоскою,
Морщины глубокія врѣзала въ лица нужда.
Проходятъ, проходятъ суровыя дѣти труда.

На мигъ только солнце ласкаетъ ихъ сказкою воли
И синее небо зоветъ въ безпредѣльный просторъ,—
Голодныя стѣны глотаютъ на новый позоръ,
На муки труда, на проклятья безсилья и боли.

Работаютъ руки. Грохочутъ-хохочутъ машины.
Работаютъ руки: для счастья немногихъ творятъ.
А время ползетъ... И усталыя руки горятъ;
Болятъ надъ станками безсильно согбенныя спины...

Когда же на улицахъ вспыхнутъ огни наслажденій,
И улицы гуломъ веселья и смѣха кишатъ,—
Труда утомленнаго дѣти на отдыхъ спѣшатъ,
И въ сумеркахъ таютъ, и въ сумеркахъ таютъ ихъ тѣни.

Ихъ дочери снова со смѣхомъ себя продаютъ,
Смѣются и пьютъ, чтобы сердце въ слезахъ не кипѣло
Бросаютъ въ объятія пьяныя голое тѣло,
Въ чаду изступленныхъ движеній забвеніе пьютъ.

Когда еще ночь, и луна надъ землею, когда
Усталость еще не проснулась на улицахъ темныхъ
И плачутъ въ туманѣ озябшія тѣни бездомныхъ,—
Голодныя стѣны глотаютъ опять, какъ всегда,
Дѣтей изнуренныхъ труда.

ПѢСНЯ ШВЕЙ.

Мы шьемъ... Весны всѣ дѣвушки ждутъ,
Вѣнки изъ лѣсныхъ незабудокъ плетутъ.
Лишь мы ничего, ничего не ждемъ:
Мы въ темномъ и душномъ подвалѣ шьемъ.

Смѣется весеннее солнце въ окно.
Машинки стучатъ и шуршитъ полотно.
И слезы дрожатъ на ослѣпшихъ очахъ,
И бѣгаютъ иглы въ проворныхъ рукахъ.

Въ безмолвіи темныхъ, безсонныхъ ночей,
При тускломъ огнѣ, не смыкая очей,
Когда все такъ тихо,—все спитъ кругомъ,
Не спимъ только мы: все шьемъ, все шьемъ...

Заря золотая мерцаетъ въ окно.
Машинки стучатъ и шуршитъ полотно.
Красивыя платья въ рукахъ шелестятъ.
Затекшіе, блѣдные пальцы болятъ.

Ослѣпшія очи пылаютъ огнемъ:
Мы платья счастливымъ красавицамъ шьемъ.
И нѣтъ нашей темной неволѣ конца,
И плачутъ горячею кровью сердца.

Никто въ наши кудри цвѣтовъ не вплететъ,
Никто насъ не любитъ, никто насъ не ждетъ.
И мы никого, никого не ждемъ:
Мы въ темномъ и душномъ подвалѣ шьемъ.

ВЪ ГОРАХЪ.

Я на уступахъ дикихъ горъ.
Шумитъ сосновый темный боръ,
Кричатъ орлы.
И какъ свобода,—властно-дикъ
Ихъ, отраженный эхомъ, крикъ...
Полны холодной мглы
На темени угрюмыхъ кручъ
Ютятся стаи хмурыхъ тучъ
И тихо въ даль,

Покинувъ краткій свой пріютъ,
Толпою вольною плывутъ,—
Имъ ничего не жаль...

А я тоскую... Здѣсь одинъ
Межъ дикихъ я брожу вершинъ
И страстная печаль
Томитъ меня. Тамъ—подо мной,
Въ долинахъ, скрытыхъ мутной мглой,
Страдаютъ люди. И людей
Мнѣ страстно жаль. Тамъ звонъ цѣпей,
Тамъ стукъ машинъ, тамъ суета
Труда больного, нищета
И море горькихъ слезъ...

И я всю горечь слезъ людскихъ,
Всю боль, весь гнетъ цѣпей земныхъ
Сюда съ собой принесъ,—

Сюда на кручи дикихъ горъ,
Гдѣ мощнымъ гуломъ темный боръ
Свободы гимнъ поетъ,
Гдѣ позабыть земли позоръ
Влечетъ въ свой царственный просторъ
Безцонный небосводъ.

ИЗЪ ЭДУАРДА МЕРИКЕ.

КРАСАВИЦА - РОТРАУТЪ.

Какъ зовутъ златокудрую дочь короля?
Ротраутъ, красавица-Ротраутъ.
Красавица-Ротраутъ не шьетъ, не прядетъ,
Какъ день свой проводитъ она, какъ живетъ?
Въ лѣсахъ, на охотѣ.
Ахъ, если бы ловчимъ я въ замкѣ могъ стать!
Ее на охоту всегда провожать.
— Молчи, мое сердце!

Сталъ въ замкѣ онъ ловчимъ, недолго онъ ждалъ,
Ротраутъ, красавица-Ротраутъ,
На быстромъ конѣ и въ лѣса и въ поля
Всегда провожаетъ онъ дочь короля,
Красавицу-Ротраутъ.
Ахъ, если бы сыномъ я былъ королю!
Я Ротраутъ, красавицу-Ротраутъ люблю.
— Молчи, мое сердце!

Подъ дубомъ въ лѣсу отдыхали они.
Смѣется красавица-Ротраутъ:
Зачѣмъ такъ полны твои взоры огня?
Будь смѣлымъ: цѣлуй поскорѣе меня.
Онъ въ страхѣ блѣднѣетъ,
И вѣрить боясь, что сбылася мечта,
Цѣлуетъ красавицу-Ротраутъ въ уста.
— Молчи, мое сердце!

Домой они ѣдутъ. И думаетъ онъ:
Ротраутъ, красавица-Ротраутъ,
Ты можешь теперь королевою стать,
Ты можешь другого теперь цѣловать,—
Не будетъ мнѣ больно:
Въ лѣсу каждый листикъ видалъ и слыхалъ,
Какъ дочь короля я въ уста цѣловалъ.
— Молчи, мое сердце!

Спитъ нѣмая дорога въ молчаньи нѣмомъ.
Ночь печальна, какъ наше прощанье.
Увѣренья любви плачутъ въ сердцѣ больномъ,
Въ каждомъ словѣ, въ улыбкѣ—страданье.

Навсегда! говоритъ пожатье руки,
Одиночествомъ дышитъ молчанье,
Милыхъ, трепетныхъ устъ поцѣлуи горьки...
Уходи, уходи... До свиданья...

Плачетъ сердце. Одинъ я съ тоскою моей.
Плачутъ звѣзды. Глухія рыданья
Въ смутномъ шорохѣ тихо шумящихъ вѣтвей.
Ночь темна, какъ тюрьма... До свиданья.



Въ тихій ласковый вечеръ любовь умерла,
Холодъ наши желанья сковалъ.
Я хотѣлъ тебѣ много, такъ много сказать,
И не могъ... ничего не сказалъ.

Все сказало молчанье, тоскующій взглядъ
Все сказалъ... И заплакала ты...
Были звѣзды далекаго неба грустны,
Были дали темны и пусты.

Безнадежностью темной звучали шаги
Въ тишинѣ безотвѣтно нѣмой,
И дышала холоднымъ отчаяньемъ ночь...
Мы опять одиноки съ тобой.

ИЗЪ АЛЬФРЕДА МОМБЕРТА.

1.

ОДИНОЧЕСТВО.

За окномъ цвѣтутъ цвѣты,
За окномъ поютъ птицы...

Въ свѣтѣ солнца
Проходитъ дама.
Бѣлое платье,
Красный зонтикъ...

Зеленое поле,
Синее небо.
Дама звонко смѣется...

Разучился ли міръ говорить?
Или я ничего не слышу?
Въ темной комнатѣ тупо лежу я.
Возятся мыши у сюртука.
Я пою мою пѣсенку:
„Я, это — я“
Мыши съ этимъ согласны.

2.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Тихо падаетъ на землю снѣгъ.
Тихо падзетъ на сердце снѣгъ.
Скоро мы будемъ покрыты снѣгомъ.

Какъ прекрасна ты усталая,
Молодая женщина!

Въ бѣломъ туманѣ дремлетъ красное солнце,
Огненно-красное сердце въ туманѣ.

Солнце устало сіять,
Сердце устало любить.
Отдыха хочетъ оно: уснуть,
Уснуть.

Какъ прекрасна ты спящая,
Молодая женщина!

3.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Кровью плачетъ на бѣломъ снѣгу заходящее солнце..
Тихо, тихо—я слышу тебя—ты поешь, Пресвятая:

„Горекъ, израненъ мой ротъ: я Его цѣловала,
Тѣло мое холоднò и болитъ: я Его согрѣвала,
Пусто, мертвò мое сердце: Его я любила"...

Тихо, тихо—я слышу во снѣ—ты поешь, Пресвятая.

НАДЪ МОРЕМЪ.

Надъ моремъ вечернимъ кружатся,
Кричатъ бѣлокрылыя чайки.
Шумятъ на угрюмыхъ утесахъ
Зеленыя старыя сосны.

Пылаетъ костеръ. Вольный вѣтеръ
Качаетъ багровое пламя,
Дождемъ золотымъ разсыпая
Веселыя красныя искры.

Въ душѣ моей свѣтлая радость:
Въ душѣ моей море и небо,
Мечты-облака, крики чаекъ
И сосенъ зеленыя думы.

Въ душѣ моей вольная-воля,
Да, вольная-воля. И скоро
Я каменный городъ, проклятый,
И милой улыбку забуду.

Она никогда не любила
Меня... никогда не любила.
Сплетаются въ черныя сѣти
Былого тревожныя думы.

А долго я вѣрилъ ей, долго
Молился въ туманѣ разсвѣта
Устамъ ея дѣтски-невиннымъ
И милой, невинной улыбкѣ...

Качаетъ, качаетъ вѣтвями,
Вѣтвями зелеными вѣтеръ.
И чайки кричатъ. И смѣются
Косматою пѣною волны.

Проснулись въ тоскующемъ сердцѣ
Проклятаго города стѣны
И мука любви одинокой:
Улыбка невинная милой.

Забуду, забуду!.. Подбросилъ
Въ костеръ догорающій сучьевъ,
Съ шипѣніемъ мечется пламя
И пляшутъ веселыя искры...

Въ бездонное небо уходитъ
Безбрежное синее море...
И снова въ душѣ моей радость
И свѣтлая вольная-воля.

ВЪ ГОРОДѢ.

Спитъ городъ проклятый. Въ холодномъ туманѣ
Спятъ улицы темной дома.
Не слышитъ ни смѣха, ни горькихъ рыданій
Глухая, безмолвная тьма.

Спитъ мальчикъ мой, къ груди пустой и безплодной
Привычнымъ движеньемъ прильнулъ
И съ тихой улыбкой, больной и голодный,
Измученный крикомъ, уснулъ.

Солнце устало сіять.
Сердце устало любить.
Сильно хочетъ снова уснуть.
Уснуть.

Какъ прекрасна ты спящая,
Молодая женщина!

... темную осень
... угрюмыхъ,
... сосенъ.

... очи,
... печали
... ое,
... украли.

Сегодня накормитъ насъ городъ огромный,
Ночь скроетъ мой новый позоръ.
Безшумно крадусь я вдоль улицы темной,
Крадусь боязливо, какъ воръ.

И слушаю полночь зловѣще-нѣмую...
Вотъ звуки далекихъ шаговъ...
Кто купитъ мою красоту молодую,
Голоднаго тѣла любовь?

Мои одинокія думы
Печальны какъ въ темную осень
Рыданья глухія угрюмыхъ,
Въ туманѣ тоскуюшихъ сосенъ.

Осеннія долгія ночи,
Безсонныя ночи печали
Мое одинокое счастье,
Мой смѣхъ беззаботный украли.

Видали далекія звѣзды
И слышало ночи молчанье
Послѣднюю жалобу сердца,
Безсильную муку прощанья...

Одинъ я... Темны мои думы,
Какъ ночи въ ненастную осень,
Темны, какъ угрюмые стоны
Въ туманѣ тоскующихъ сосенъ

Сосны, темныя сосны у моря сѣдого качаются,
Полонъ жалобы гулъ ихъ глухой.
Въ даль косматыя тучи уныло ползутъ и сливаются
Съ безпріютно-холодною мглой.

Бьются волны сѣдыя тоскливо у берега темнаго
И рыдаютъ, рыдаютъ... О чемъ?..
Не найду я покоя тревогамъ скитанья бездомнаго,
Одинокъ я въ скитаньи моемъ.

Чайка стонетъ... О нѣтъ,—это сердце мое одинокое,
Это сердце въ тревогѣ больной
Бьется въ пѣнѣ волны бѣлокрылою чайкой, далекою
Надъ сѣдою равниной морской.

А косматыя тучи, тоскою отчаянья темныя,
Льютъ холодныя слезы дождя,
Въ безпріютную даль,—какъ и я, одиноко-бездомныя—
Навсегда, навсегда уходя.

СНѢГЪ.

Бѣлый снѣгъ, холодный снѣгъ, все снѣгъ кругомъ,
Въ блескѣ солнца онъ сверкаетъ серебромъ.
Мнѣ навстрѣчу кони быстрые летятъ,
Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Бѣлой пылью вьется снѣгъ изъ-подъ копытъ,
Подъ полозьями желѣзными скрипитъ.
Это милую мою къ вѣнцу везутъ...
Колокольчики-бубенчики поютъ.

8*

Если бъ снѣгомъ, бѣлымъ снѣгомъ могъ я стать:
Я хотѣлъ бы на дорогѣ здѣсь лежать,
Снѣжной пылью взвиться вверхъ изъ-подъ саней:
Заклубиться и летѣть навстрѣчу къ ней,
Къ ней въ объятія въ послѣдній разъ летѣть
И въ горячемъ поцѣлуѣ умереть!..

Пронеслися, улетѣли кони въ даль...
Въ сердцѣ темная, холодная печаль.
Крестъ на солнцѣ въ отдаленіи горитъ,
Заунывно мѣдный колоколъ гудитъ,
Черезъ поле звуки медленные льетъ,
О любви моей загубленной поетъ...

Вновь бубенчики все ближе, все слышнѣй:
Мчатся кони, вьется снѣгъ изъ-подъ саней,
Мчатся кони, бѣлымъ снѣгомъ обдаютъ.

Колокольчики-бубенчики поютъ.
Съ нимъ сидитъ она... Смѣются... обнялись...
Буйнымъ вихремъ кони мимо пронеслись...

Снѣгъ да мертвое молчаніе кругомъ.
Холодъ смерти въ сердцѣ скорбномъ и больномъ.
Если бъ снѣгомъ, бѣлымъ снѣгомъ могъ я стать,
Мертвымъ снѣгомъ на дорогѣ здѣсь лежать!

РАБЪ.

Вернулся я. Тебя забыть нѣтъ силы.
Прости. Тебя не могъ я разлюбить;
Жизнь безъ тебя страшна, какъ мракъ могилы.
Я не могу тебя забыть, и жить.

Хочу въ глаза твои опять смотрѣть съ мольбою,
Твою улыбку взглядомъ цѣловать.
Люблю тебя, и быть хочу съ тобою,
Тебѣ одной всю жизнь мою отдать.

Зачѣмъ, зачѣмъ ты смотришь такъ сурово?..
Смѣешься... Я боюсь въ твои глаза смотрѣть...
Не прогоняй меня... Прости... Скажи хоть слово...
Уйти?.. Забыть тебя?.. Нѣтъ—лучше умереть.

ЛѢСЪ.

Вошла и блѣдна и грустна
　　Въ лѣсъ тихая осень.
И жалоба стала слышна
　　Въ гудѣніи сосенъ.

Лѣсъ грустно шумѣлъ о быломъ.
　　Дни стали короче.
Заплакало небо дождемъ.
　　Темны были ночи.

На мокрыхъ полянахъ трава
　　Свалялась и тлѣла.
Березъ облетавшихъ листва
　　Печально желтѣла...

Вотъ сучья ломая,толпой
Въ лѣсъ вѣтры ворвались
И долго въ немъ съ мертвой листвой
По чащамъ метались.

Потомъ ее въ мутную даль
Съ собою умчали...
Въ лѣсу притаилась печаль,
Безмолвье печали.

Онъ весь почернѣлъ и зачахъ.
Сѣдые туманы
Запутались въ голыхъ вѣтвяхъ,
Легли на поляны.

Онъ смерти теперь ожидалъ:
Отчаянья полный
Въ холодномъ туманѣ стоялъ
Угрюмый, безмолвный.

Неслышно она подошла:
Въ ночь снѣгомъ пушистымъ
По темнымъ оврагамъ легла,
По соснамъ вѣтвистымъ.

Вездѣ воцарилась она
И въ саванѣ бѣломъ
Всесильная бродитъ одна
Въ лѣсу опустѣломъ.

И лѣсъ и поля—все кругомъ
Въ ея обладаньи:
Все—мертвымъ покоится сномъ,
Все—смерти молчанье.

ИЗЪ РИХАРДА ДЕМЕЛЯ.

1.

ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Взгляни—небо снова сине.
Надъ вершинами влажныхъ березъ
Вьются ласточки, словно рыбки.
    И ты хочешь плакать?

Въ душѣ твоей будутъ скоро
Стаи ласточекъ, золото солнца,
Шелестъ бѣлыхъ березъ.
    И ты плачешь?

Моими глазами
Въ твои гляжу я,
Два маленькихъ солнца,
И ты смѣешься.

2.

НЕЗАБУДКИ.

Незабудки здѣсь, въ кузницѣ дымной и темной,
Гдѣ молотъ оружье куетъ!
Развѣ миръ незабудкою скромной
У ручья, за домомъ цвѣтетъ?

Молоты тяжко въ желѣзо бьютъ,
        Куютъ, куютъ,
Спѣшатъ—работу кончаютъ.
Пылаетъ желѣзо, вода шипитъ,
И когда лезвіе надъ огнемъ заблеститъ,—
        Черныя руки сверкаютъ.

Но порою склоняется темнымъ лицомъ
Надъ цвѣтами кузнецъ, отойдя отъ огня.
И чудится—кто-то поетъ надъ ручьемъ:
Не забудь меня!

УЗНИКИ.

1.

Въ пещерѣ мрачной, гдѣ всегда царитъ
Глухая ночь, куда не проникаетъ
Ни солнца свѣтъ, ни кроткихъ звѣздъ мерцанье,—
Томимся мы въ суровомъ заточеньи.
Надъ нами, вмѣсто неба голубого,
Во мракѣ безпросвѣтномъ утопая,
Нависли своды каменные... Ночь,
Глухая ночь безвыходной могилы.

Костры горятъ и пламенемъ багровымъ
Зловѣще наши лица озаряютъ.
Одни сидятъ вокругъ огней и тупо
Глядятъ на пламя. Въ ихъ глазахъ, погасшихъ
Отъ жгучихъ слезъ, застыло выраженье
Безропотной покорности судьбѣ
И темныхъ думъ, не знающихъ покоя.
Другіе бродятъ отъ костра къ костру,
Какъ скорбныя, тоскующія тѣни,
Порою остановятся и долго
Глядятъ передъ собой въ глухую тьму,
Грозятъ ей кулаками и кричатъ
Безсмысленныя, дикія проклятья,
Потомъ на камни падаютъ со стономъ
И судорожно, изступленно бьются
Въ рыданіяхъ отчаянныхъ... А ночь
Глядитъ на всѣхъ, безстрастная, глухая
Къ проклятіямъ и стонамъ. Только эхо

Изъ черной тьмы, изъ глубины пещеры,
Какъ будто издѣваясь, отвѣчаетъ
На скорбный стонъ такимъ же скорбнымъ стоном
На дикое проклятіе проклятьемъ...

2.

Въ черной пещерѣ жарко пылаетъ
    Пламя костровъ.
Въ черной пещерѣ падаютъ звенья
    Ржавыхъ оковъ.

Весело пляшутъ красныя искры,
    Молотъ гудитъ.
Эхо смѣется. Пѣсня грядущей
    Воли звучитъ.

Длиться не вѣчно будетъ глухая
Черная ночь:
Мы изъ проклятой черной могилы
Вырвемся прочь:

Цѣпи свергаемъ, ржавыя цѣпи,
Волю куемъ.
Скоро, о скоро стѣны темницы
Мы разобьемъ.

ИЗЪ Ф. САЛЛЕТА.

AUT—AUT.

Будь плотникъ я,—я бъ сколотилъ
На удивленіе народамъ
Огромный ящикъ и прибилъ
Такую надпись бы надъ входомъ:
Да или нѣтъ.

Оружьемъ надо споръ рѣшить.
Въ мой ящикъ рыцари въѣзжайте,



Здѣсь каждый воленъ говорить:
Поднявъ забрало, заявляйте—
Да или нѣтъ.

Вы всѣ, на чей презрѣнный взглядъ
Все хорошо,—безличныхъ стадо
Прочь! Ясность съ головы до пятъ
Нужна! Предателей не надо!
Да или нѣтъ.

Доспѣховъ—черный, бѣлый цвѣтъ.
Одни—налѣво, тѣ—направо!
Враги на смерть, пощады нѣтъ,
На жизнь и смерть всѣ въ бой кровавый,—
Да или нѣтъ.

За свѣтъ?.. За мракъ, за власть поповъ,
За власть царей?.. Права народа?..

Да или нѣтъ, безъ лишнихъ словъ.
Сторонникъ рабства?.. Другъ свободы?..
Да или нѣтъ.

Когда послѣдній здѣсь въ пыли,
На смерть поверженный, забьется,
Въ бою рѣшая споръ земли,
Тогда, быть можетъ, онъ добьется—
Да или нѣтъ.

Но такъ какъ я не плотникъ, да,
И ящиковъ не мастеръ строить,—
Пусть все, какъ шло, идетъ всегда
И насъ не должно безпокоить
Да или нѣтъ.

Старыя тюрьмы разрушили мы и разбили
Ржавыя цѣпи и городъ неволи сожгли,
Къ синему морю ликующе-шумной толпою,
Къ вѣчно-свободному синему морю ушли.

Весело въ сильныхъ рукахъ закипѣла работа:
Дымно и жарко пылаютъ надъ моремъ костры,
Звонко поютъ голубыя, блестящія пилы,
Гулко стучатъ топоры.

Падаютъ сосны. И по лѣсу эхо смѣется.
Падаютъ старыя сосны. Мы строимъ челны...
Въ морѣ купаются чайки. На влажные камни
Вѣтеръ бросаетъ косматую пѣну волны.

Узкія щели кипящей смолой заливаемъ.
Строимъ челны. Беззаботенъ и веселъ нашъ трудъ.
Лѣсомъ вздымаются гордыя, стройныя мачты.
Пилы поютъ . . . .

Ночь умираетъ, и гаснутъ усталыя звѣзды,
Зыблется въ синемъ туманѣ зари полоса.
Весело въ шумныя волны челны мы спускаемъ,
Бѣлыми крыльями бьются на нихъ паруса.

Рѣжутъ косматыя, шумно-кипящія волны
Чайки-челны, улетая въ прозрачный туманъ.
Бурно-раздольнымъ, бушующимъ въ пѣнѣ просторомъ
Свѣтлую пѣсню свободы поетъ океанъ.

Тучи за тучами радостно, вольно кочуютъ
Въ синей безбрежности неба и таютъ вдали...
Старыя тюрьмы, холодныя старыя тюрьмы,
Городъ неволи разрушили мы и сожгли.

ИЗЪ РОБЕРТА БЕРНСА.

1.

Боченокъ пива Биль сварилъ.
И я да Алленъ поскорѣй
Бѣжимъ къ нему. И въ эту ночь
Не сыщешь парней веселѣй.

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ,
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Три развеселыхъ молодца
Смѣясь за кружкой кружку пьемъ.
Богъ дастъ здоровья,—мы еще
Не разъ такъ время проведемъ.

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ,
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Рогатый мѣсяцъ ужъ плыветъ
Высоко въ синемъ небѣ. Ишь
Мигаетъ намъ: пора домой.
Ну нѣтъ, голубчикъ мой, шалишь!

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ,
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

Кислятина! кому на умъ
Взбредетъ идти домой,—глупецъ!
У насъ, другъ мой, кто послѣ всѣхъ
Летитъ подъ столъ,—тотъ молодецъ!

Всю ночь сидимъ, всю ночь сидимъ,
Сидимъ за бочкою втроемъ,
Пьемъ до зари, пьемъ до зари,
До пѣтуховъ послѣднихъ пьемъ.

2.

Все обнялъ черной ночи мракъ.
Но свѣтелъ-радостенъ кабакъ.
Тому, кто пьянъ, стаканъ вина—
Свѣтъ солнца, звѣзды и луна.

Счетъ, хозяйка, подавай
За вино, за вино,
Счетъ, хозяйка, за вино
И еще вина.

Жизнь—праздникъ знатнымъ господамъ
И холодъ-голодъ бѣднякамъ.

Но здѣсь для всѣхъ почетъ одинъ.
Здѣсь каждый пьяный—господинъ.

Счетъ, хозяйка, подавай
За вино, за вино,
Счетъ, хозяйка, за вино
И еще вина!

Святая влага! Я топлю
Въ ней долю горькую мою:
На днѣ веселье,—пью до дна,
Пью и смѣюсь... Еще вина!

Счетъ, хозяйка, подавай
За вино, за вино,
Счетъ, хозяйка, за вино
И еще вина!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Ангелы на небѣ звѣзды зажгли...
Наши за хлѣбомъ ушли.
Хлѣба-работы нигдѣ нѣтъ, нигдѣ:
Холодъ да голодъ вездѣ.
Тихо качаю я зыбку твою,
Баюшки - баю - баю!

Ангелы хлѣба не могутъ намъ дать,
Надо молиться и ждать.
Долго мы ждали. Все ждемъ, только ждемъ,
А не дождемся, — умремъ.
Спи, я слезами тебя напою,
Баюшки - баю - баю!

Ласково свѣтятъ намъ звѣзды-огни
Спи, мой малютка, усни.
Бьешься и плачешь ты—хлѣба все ждешь,
Слезы горячія пьешь.
Кровью-слезами тебя напою,
Баюшки - баю - баю!

Тише, мой милый,—все спитъ, все молчитъ,
Голодъ за дверью стоитъ,
Тихо за дверью стоитъ онъ и ждетъ,
Ждетъ, что мой мальчикъ умретъ.
Голодъ молитвами я отгоню,
Баюшки - баю - баю!

Къ небу протянуты тысячи рукъ
Ужаса, злобы и мукъ,
Тысячи, тысячи... молятъ, грозятъ
Небу о хлѣбѣ кричатъ.

Хлѣба у неба далекаго нѣтъ,—
Ужасъ молчанья въ отвѣтъ.
Бродитъ въ безмолвіи ночи во мглѣ
Темная смерть по землѣ.
Кровью горячей тебя напою,
Баюшки - баю - баю!

Съ ужасомъ темнымъ въ голодныхъ глазахъ
Въ маленькихъ черныхъ гробахъ
Носятъ на кладбище тѣни людей
Маленькихъ мертвыхъ дѣтей.
Дѣлаетъ дѣло неслышно во мглѣ
Темная смерть на землѣ.
Кто же услышитъ молитву мою?
Баюшки - баю - баю!

Больше молитвы не могутъ помочь:
Въ тихую звѣздную ночь,

Мальчикъ мой милый, съ тобою вдвоемъ
Тихо мы, тихо уснемъ.
Будемъ съ тобою сегодня въ раю,
Баюшки - баю - баю!

Бѣлыя лиліи звѣзды - цвѣты
Тамъ собирать будешь ты.
Ангелы божьи слетятся толпой,
Хлѣбъ принесутъ золотой,
Яблокъ тебѣ золотыхъ принесутъ,
Бѣлыя крылья дадутъ.
Ангеломъ бѣлымъ ты будешь въ раю,
Баюшки - баю - баю!..

Въ сумеркахъ утра пѣтухъ не поетъ...
Мальчикъ мой хлѣба не ждетъ.
Мальчикъ мой темную смерть обманулъ:
Сномъ безпробуднымъ уснулъ.

Бѣлому ангелу тихо пою
Баюшки - баю - баю!

Бродитъ неслышно въ туманѣ сѣдомъ
Темная смерть за окномъ,
Тихо къ окну подошла и давно
Слушаетъ - смотритъ въ окно.
Баюшки - баю... Я тихо пою.
Ждетъ меня ангелъ въ раю.

Здѣсь я недолго останусь одна —
Темная смерть у окна
Саванъ тумана плететъ надо мной – –
Скоро я буду съ тобой,
Тихо усну я въ туманѣ сѣдомъ,
Свѣтлымъ забудусь я сномъ,
Буду сегодня съ тобою въ раю,
Баюшки - баю - баю!

Какъ звонко, какъ звонко смѣются
Серебрянымъ смѣхомъ струны!..
Жила королева на свѣтѣ,
Жилъ пажъ, прекрасный и юный.

Король на войну уѣхалъ.
Королева въ тоскѣ одинокой
Вздыхала и плакала горько,
Плакала въ башнѣ высокой.



Но утро такъ ясно было.
Такъ весело струны смѣялись.
И лебеди бѣлые тихо
На озерѣ синемъ качались.

И шумомъ зеленымъ шумѣли
У оконъ замка березы...
Королева пажу улыбнулась,
Улыбнулась пажу сквозь слезы.

И встрѣтились робкіе взгляды,
Сказали о томъ, что не смѣли.
Веселыя, звонкія струны
Серебрянымъ смѣхомъ звенѣли.

Звенѣли и пѣли струны:
Король на войнѣ... далеко...
Одни мы здѣсь, королева,
Одни мы въ башнѣ высокой...

Шумѣли у оконъ березы...
Въ объятіяхъ руки сплетались...
Лебеди бѣлые тихо
На озерѣ синемъ качались...

Жила королева на свѣтѣ,
Жилъ пажъ, прекрасный и юный...
Какъ звонко, какъ звонко смѣются
Серебрянымъ смѣхомъ струны.

СКАЗКА ЛЮБВИ.

Лѣсомъ шла она распѣвая, шла распѣвая.
Въ огнѣ заката горѣли сосенъ вершины.
И такъ свѣтлы были въ синихъ сумеркахъ звуки,
Какъ тонкія нити повисшей въ вѣтвяхъ паутины.

Такъ свѣтлы были звуки... И я изъ хижины вышелъ.
Въ сердцѣ чуткою, острою болью билась тревога:
„Куда идешь ты одна въ лѣсу вечернемъ,
Куда идешь ты? Сядь, отдохни у порога.

„Послушай какъ тихо въ лѣсу, какъ тревожно-тихо.
Солнце заходитъ и гаснутъ сосенъ вершины.
И больше не видно, какъ свѣтлою сѣтью трепещутъ
Нити повисшей въ зеленыхъ вѣтвяхъ паутины...“

Глаза опустила она и молчитъ какъ лѣсъ безмолвный.
И только грудь поднимается часто, высоко.
И дышитъ мольбою мой шепотъ: „Ты—сказка лѣса,
Ты—свѣтлая сказка печали моей одинокой"...

Въ сумеркахъ лѣса кудри ея золотыя
Свѣтлою мглой опьяняютъ тревогу желаній.
Сказку любви, поцѣлуевъ усталыхъ нѣжность
Слушаетъ лѣсъ утонувшій въ синемъ туманѣ...

..."И вотъ уже ночь... И вотъ уже ты уходишь,
Уйдешь, откуда пришла,—въ тишину лѣсную".
Безмолвно въ отвѣтъ киваетъ она головою,
И я въ отчаяньи горькомъ ей ноги цѣлую...

Купается лѣсъ въ ликующемъ лунномъ свѣтѣ.
Мерцаніе звѣздъ—голубые огни надо мною.
Лежу на травѣ... Смѣюсь отъ счастья и боли,
Въ небѣ глубокомъ тону одинокой душою.

НОЧЬ ЛУННАГО СВѢТА.

Ночь луннаго свѣта... Устало иду.
Тѣнь рядомъ со мною шагаетъ.
И мѣрно и странно луна мою тѣнь
На улицахъ спящихъ качаетъ.

Взметнулись надъ кровлями бѣлыхъ домовъ
И каркаютъ хрипло вороны.
И въ сердце вонзаются злобной тоской
Ихъ чернаго карканья стоны.

Ночь луннаго свѣта я глупо провелъ:
Пилъ много и много смѣялся,
Со смѣхомъ счастливымъ ее цѣловалъ
И въ пьяныхъ объятьяхъ валялся.

Качается тѣнь на стѣнѣ... Я усталъ.
Измученъ я тихой луною...
Какъ буду я дома сегодня рыдать,
Какъ буду рыдать надъ собою!

ПОДЪ ДОЖДЕМЪ.

Тащусь утомленный и пьяный
По улицѣ темной,
Гасну во мглѣ тумана,
Какъ нищій бездомный.

Бредетъ за моими шагами
Одиночество злое.
Дождь льется, льется слезами
Въ сердце больное.

Дни юности свѣтлой были,
Былъ смѣхъ веселый...
Смѣясь мы ихъ хоронили
Съ женщиной голой.

Смѣялось вино въ стаканахъ
Красною кровью.
Глумился въ объятіяхъ пьяныхъ
Разгулъ надъ любовью...

Вѣтеръ меня качаетъ.
Дождь льется, льется слезами:
Ненастная ночь рыдаетъ
Надъ погибшими снами.

Тащусь подъ дождемъ въ туманѣ,
Бормочу глухія проклятья,
Проклинаю ночи скитаній
И женщинъ продажныхъ объятья.

Я когда-то любилъ. Я молился
Дѣвушкѣ свѣтлой и милой.
Въ грязь жизни потомъ опустился.
И сердце молитвы забыло.

Все—и себя проклинаю.
Дождь слезами холодными льется.
Сердцемъ оплеваннымъ знаю:
Что прошло,—не вернется.

Буду съ женщиной голой валяться
На измятой постели часами.
Будемъ пить и смѣяться, смѣяться
Надъ погибшими снами.

СКАЗКА ЛЮБВИ:

НАПЕЧАТАНО въ декабрѣ 1907 г.
въ типографіи В. Безобразовъ и К°.
Спб., В. О., Больш. пр., 61.

DATE DUE			



